

ЖИЗНЕРАДОСТНОЕ ИСКУССТВО

Когда речь заходит о гастроллирующем сейчас у нас чехословацком творческом коллективе «Д-34», то возникает вопрос: чей это театр приехал к нам в гости — режиссера, актера или драматурга?

И многие спешат с ответом: да, конечно же, это театр режиссера, главного режиссера «Д-34» Эмиля Франтишека Буриана. Разве вы не видите каждую минуту сценического действия его направляющую руку? Разве не присутствует он на сцене непрерывно и откровенно? Разве не пронизаны его жизнерадостным талантом и его яркой, острой индивидуальностью каждый образ, каждая мизансцена? Э. Ф. Буриана никак уж не удобоишь тем незадачливым режиссерам, участие которых в спектакле можно обнаружить лишь с помощью афиши или программки. Богат, разносторонен и щедр его чудесный художественный дар!

Однако не излишне ли поспешен столь категорический ответ, что это только театр режиссера?!

Да, известны опыты Буриана по «современизации» классических произведений, попытки придать им злободневный политический характер. Мольеровского Гарпагона («Скупой») режиссер стремился истолковать, как образ властителя могущественной современной монополии, задыхающегося в собственном стеклянном сейфе. Перелетка Бурианом «Ромео и Джульетты» имела своей целью показать, как губит людей фашизм, отвергал самое право человека на счастье.

Мы не видели этих спектаклей и, сколь эти эксперименты были пра-

вомерны и плодотворны, судить не беремся, хотя наши личные симпатии всегда находятся на стороне режиссера, чутко и бережно относящегося к авторской индивидуальности. Но мы посмотрели «Швейка», поставленного Бурианом по широко известному роману Ярослава Гашека, и — право же! — режиссер в этом спектакле не только мирно «сосуществует» с автором, но всеми средствами сценической выразительности способствует наиболее полному и эмоционально выразительно раскрытию авторской индивидуальности, главной идеи произведения.

Театр вообще условен по своей природе. Условность «Швейка» подчеркнута, обнажена. На глазах зрителей одна из створок полосатых ворот, обрамляющих открытую сцену, закрывается, а другая открывается, и мы успеваем заметить самую перестановку декораций. Но это не просчет монтированной части театра, это — один из преднамеренных режиссерских приемов, имеющих своей целью усилить ритм спектакля.

Однако подчеркнута условный характер постановки проявляется не только в монтировочном принципе. Это оцутимо и в декорациях, и в музыке, и в игре актеров. Все подчинено единому режиссерскому замыслу, единой цели — созданию спектакля, который можно было бы уподобить политическому плакату, остроумно памфлету.

Возможно ли роман Гашека играть по-другому? Конечно, возможно. Н. Охлопков в тридцатых

годах на сцене Московского реалистического театра ставил его иначе, по-своему. Все ли в одинаковой степени удачно в работе Буриана? Вряд ли! Элементы театрального представления, не согретые в иных случаях живым актерским чувством, не оправданные актером изнутри, не усиливают, а ослабляют звучание постановки. Но в целом решение «Швейка», предложенное режиссером, не только правомерно, но и очень актуально. Людям нужен такой спектакль! Спектакль, зло, сатирически разоблачающий «механику» империалистической бойни, тупость озверевшей околтелой военищины. Своим «Швейком» театр «Д-34» страстно и убежденно борется за мир, бьет метко и сокрушительно по апологетам и пропагандистам новой мировой бойни.

Но вернемся к началу нашего разговора. Отрадно отметить, что успех постановки вместе с режиссером разделяет и весь коллектив «Д-34», богатый яркими, одаренными творческими индивидуальностями. Актеры порадовали нашего зрителя в том же «Швейке» великолепными образцами подлинного и увлеченного творчества.

Живой, многогранный, истинно народный характер создал артист Франтишек Голар в заглавной роли Нозефа Швейка. Голар сыграл «бравого солдата» — хитроумца, раскрыл образ на контрастах, показал своего героя в движении, в процессе постепенного политического созревания.

Было бы, вероятно, несправедливым, выделяя одних участников

спектакля, умолчать о других. Именно в силу этого нам и хочется сказать прежде всего о том, что одной из отличительных черт театра «Д-34» является ансамбль. Каждый его участник — и речь здесь идет не только об актерах — ощущается зрителями в полную меру.

Не только «Швейк», а и другие постановки театра, привезенные на гастроль, вызывают у нашего зрителя живой, острый интерес. Это, в частности, относится и к спектаклю, поставленному Бурианом по произведению чешского классика Виктора Дыка «Крысолов».

В книжке Зузаны Кочовой «Шесть глав о театре Э. Ф. Буриана «Д-34», выпущенной к приезду коллектива в Советский Союз, рассказывается о том, что спектакль «Крысолов», впервые показанный зрителям в сезон 1939—40 г. в оккупированной Праге, воспринимался как протест «против тех, кто ведет человечество к смерти, к пассивности, кто свои личные цели ставит выше нужд общества, как выступление за сохранение жизни на земле, за борьбу человека во имя жизни против лживых лозунгов, идей и соблазнов, приводящих к пропасти, где подстерегает смерть».

Бесспорно, все эти темы в спектакле имеются. Однако в иных исторических условиях символика спектакля представляется нам несколько отвлеченной и не до конца проясненной. Наши симпатии принадлежат Крысолову, человеку большой душевной силы, охваченному пламенем молодого и прекрасного чувства (роль эту темпераментно и сильно исполняет ар-

тист Владимир Бравац). Во время конфликта Крысолова с отцами рода Хаммена, чей мир так убог, корыстен, ограничен, мы находимся целиком на стороне Крысолова. Мы горячо поддерживаем его и в те минуты, когда он советует бедному рыбаку встать с колен, разогнуть спину, расправить затекшие плечи... Но образ Рыбака, призванный олицетворять торжество жизни и света, человеческой мощи, с этой стороны как раз и не раскрыт. Перед нами человек жалкий и забытый, лишенный поэтической мечты и духовного взлета. В общем философском замысле спектакля это серьезный просчет.

Говоря об известной непроясненности замысла постановки, о ее недостаточной целостности и последовательности, мы меньше всего хотим отрицать самый замысел, глубоко человеческую идею, питающую воображение Буриана.

В этом спектакле режиссерское дарование Буриана раскрывается совершенно иными сторонами, нежели в «Швейке». Он создал спектакль поэтический, напоенный дыханием прекрасной старинной сказки, спектакль, все происходящее в котором воспринимается зрителем, словно через сетку дождя или дымку времени... Но, как и «Швейк», «Крысолов» осуждает зло и смерть, воспекает добро и жизнь.

Да, с полным правом искусство наших гостей можно назвать искусством, пронизанным прекрасным чувством жизнеутверждения. Завершив гастроль в Москве, коллектив выехал в Ленинград. Больших вам творческих радостей и успехов, наши дорогие друзья!

Юр. ЗУБКОВ.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
 Г. МОСКВА
 21 МАЯ 1956